

Вадим Николаевич Бурлак

След из тайги

Вадим Бурлак
След из тайги

«Public Domain»

1990

Бурлак В. Н.

След из тайги / В. Н. Бурлак — «Public Domain», 1990

– Не скрипи, Сучья лапа.

– Рассыплюсь, Алеха!

– А ты глубже дыши тайгой и жди удачи. Пошевеливайся, бичара толстозадая.

– За тобой не угонишься. Прешь, как танк, только пыли нет. Может, привалить время?

– Рано, еще часок отшлепаем.

– Устал...

– Хреновый ты бич, Сучья лапа. Если б знал, что ныть будешь, не взял бы в пару. Дыхалку себе на водяре сорвал да на портвешке...

– Не, Алеха, я после тюряги по-божески пью. Давай передохнем, а? Сил нет...

– Терпи... и любуйся природой. Ишь, как вертит наверху мошара – словно пепел от солнца осыпается.

– Тьфу, за ноги тебя да башкой об ту ель с твоей природой. Здоровый ты, как лошадь, Алеха. И тюряга тебя не размяла, и наша бичарная жизнь не обломила. Откуда столько силы?

Сучья лапа остановился и руками вытер пот с лица:

– Ух, как жарко...

Алеха обернулся и резко прохрипел:

– Пошли-пошли!..

И покатилося по таежной пади «шли-шли-ли-ли»... Вечер зажег по пихтовым гривам желтые свечи. Лишь в полной темноте устроились на ночлег. Костра не разжигали. Наломали кедровых веток, соорудили из них лежки. Закусили сухарями с салом, запили водой из ручья и повалились в таежную постель. Сон махом вышиб из людей усталость и заботы прошедшего дня. Ночная тайга медленно возвращала им силы.

Едва поднялось солнце, Алеха и Сучья лапа, наскоро перекусив, двинулись в путь.

– Сегодня дойдем, – уверенно пообещал Алеха.

– Не верится мне про золотишко, – снова заскулил о наболевшем Сучья лапа. – Какого хрена этот старый чеснок сам его, не выгреб? А?

– Говорю тебе, тяжело добираться. Ты молодой, и то сопли распустил, а деду сам бог забыл, сколько ухнуло. Разве он вскарабкается на эту гриву? Тут и у меня сердце трепыхает.

– А почему именно тебе он рассказал про золотишко? Что, у него родичей нет?

– От хайло неверующее, – разозлился Алеха. – Брошу в тайге, если будешь скулить. А насчет золота не болтай.

Им повезло на четвертый день. Утром Алеха заметил, что из каменистого пригорка выступает белый кварц. Алеха работал на золотых приисках и сразу понял, что это означает,

– Уда-а-ача! Живем, Сучья лапа!.. – захохотал он. – Кончили бичевать... Загоним барыгам золото и айда гулять-колесить по стране...

Сбросил Алеха куртку, схватил кайло и начал ошалело бить по кварцу.

В этот вечер они долго сидели у костра. Пили чай и до пьяной одури курили «Приму». Алеха даже охрип от своих рассказов.

– Понял теперь, чудило, – со мной не пропадешь. В один день разбогатели. Р-р-раз, и под дых удаче. Наша она теперь. Все рестораны Крыма и Кавказа подмигивают нам огнями.

– Вначале покупателя надо найти, – осторожно вставил Сучья лапа, – а потом уж подумаем, в каких ресторанах гулять. Сейчас за рыжевое можно схлопотать на всю катушку. Сам знаешь.

Алеха матернулся беззлобно:

– Воронье ты чертово, не можешь дня прожить, чтобы не покаркать. От тебя и солнце скиснуть может. Радуйся удаче, тухлятина, и мечтай, на что деньги тратить будешь. А золото мы будем сгонять зубным врачам и ювелирам.

Три недели они не разгибали спины. Вставали с зарей и долбили камень до самых сумерек, без обеда и перекуров.

Кончились сухари и крупа, доели сало и сахар. Зверь и птица стороной обходили эти места, и нечем было поживиться. Да и золота они добыли, сколько можно унести. Только вынести бы его из тайги без потерь.

Несмотря на голод, шли легко. То ли потому, что Дорога была знакома, то ли оттого, что согревало своей тяжестью золото.

И им снова повезло: Алеха срезал на болоте двух глухарей. Решили устроить передышку – выспаться и как следует поесть. Выбрали сухую поляну, развели костер. Не успели общипать глухарей, как из чащи послышалась песня.

Алеха и Сучья лапа переглянулись. Кого занесло в такую глухомань? Алеха подмигнул приятелю:

– Смотри, кто б там ни был: золото в тайге молчанье любит.

– Не маленький, сам понимаю, – проворчал Сучья лапа.

Хрустнули ветки кустарника, и на поляну вышел невысокий человек в сапогах, штормовке и с рюкзаком за спиной. Темно-серая кепка была низко надвинута на лоб, так, что под козырьком трудно разглядеть лицо.

– Добрый вечер таежным странникам, – весело произнес незнакомец. – Пустите к костру? Не потесню?

– Валяй, – махнул рукой Алеха. – Как раз глухарей варим. А вот чаем не угостим – кончился.

– Эхе-хе, да разве можно по тайге бродить без чая? – покачал головой незнакомец. – Ну да мы это устроим.

Он сбросил рюкзак и подсел к костру. Запустил руку в мешок и вытащил пачку чая. Потом извлек сахар, завернутый в целлофановую пленку, и сухари.

– Хорошо живешь, батяня, – оживился Сучья лапа. – А то мы соскучились по чайку.

– Давно по тайге ходите? – поинтересовался незнакомец.

– Давно, – уклончиво ответил Алеха.

– Чем промышляете?

– А ты что, из милиции? – ухмыльнулся Сучья лапа. – Так документики в порядке. Добываем мы ягодки, орешки, грибки собираем.

– Ягодки и грибки – дело хорошее, – кивнул незнакомец. – А документики мне ваши ни к чему – не из милиции я. Тоже собиратель ягодок.

– И куда ж ты их, батяня, собираешь? Больно рюкзачок у тебя маленький. – Сучья лапа изучающе разглядывал не знакомя.

– Да мне хватит. На рынке я не торгую, родственников не имею.

– Сирота, одним словом, – хмыкнул Алеха.

Незнакомец снова полез в рюкзак.

– Ну это, мужики, не разговор у костра. Чего мы прощупываем друг друга? Ведь свои – сразу видно. Тайгач тайгача понимать должен, – незнакомец вытащил из рюкзака поллитровую бутылку.

– Ого, вот это разговор, – засуетился Сучья лапа. – Водка?

– Обижаешь, паря... Спирт настоящий, неразбавленный. Так-то разговор пойдет веселей. Алеха оживился.

– Сам бог тебя послал к нам. А то у нас печенки иссохлись. Давно не промывали...

Незнакомец плеснул спирт в подставленные кружки.

– Ну, под такой чаек не грех и познакомиться. Василий Степанович я.

– Вова, – представился Сучья лапа.

– Альберт, – поднимая кружку, прохрипел Алеха.

Бутылку опорожнили быстро.

– Вот и ладно, ребятки, – Василий Степанович перевернул кружку вверх дном. – Вот и ладно. Познакомились, пора и ко сну. Тайга любит, чтобы вместе с ней засыпали и вместе с ней просыпались. Пойдемте, лапника наломаем.

Достали ножи и разошлись в разные стороны. Только Василий Степанович задержался у костра, будто выронил что-то. Принялся шарить в траве у поленьев, да ничего не нашел. Правда, когда поднес пальцы к глазам, сверкнула между ними искорка – золотая песчинка.

– Ай да ребятки, ягодки-орешки, – усмехнулся он и отправился за лапником.

Когда Алеха и Сучья лапа вернулись, Василия Степановича еще не было.

– Слышь, Алеха, – заговорил Сучья лапа, – где-то я этого белоглазого видел.

– А как ты рассмотрел его глаза? Чего-то он рыло свое кепкой прикрывает...

– Где-то я его видел... – повторил Сучья лапа.

Алеха нахмурился:

– Может, легавый? Хотя с какой стати легавый один попрется в тайгу?

Сучья лапа хотел что-то добавить, но подошел Василий Степанович.

– Спите, ребятки? Ну-ну, не буду вас беспокоить. Сейчас тоже примощусь. Спокойной ночи...

Сучья лапа видел во сне белоглазого. Тот подмигивал ему, кривлялся по-дурацки и все что-то шептал. А что шептал, Сучья лапа никак не мог разобрать...

И тут он проснулся. Захотел пить. Потянулся за кружкой, а над ним белоглазый склонился. Приложил палец к губам и так хитро-хитро улыбается.

Стало жутко, вспомнил, где видел эту улыбку и выцветшие пустые глаза, хотел закричать, но не успел. Кольнуло в сердце, и все внутри загорелось от боли.

Полянка попалась лакомая – вся покрытая алым ковром брусники. А вокруг – старый сосновый лес. Тишина, лишь дятел где-то усердно долбил сушину. Высоко в небе, распластав крылья, медленно плавал коршун.

– Без ружья не вздумай ходить, – предупредил горожанина Федот Андреевич.

– Это почему? – пожал плечами Василий.

– Можешь нарваться на зверя. Вон и следы его на берегу.

Молодой охотник, прозванный в деревне Витька-Балабол, подтвердил:

– Старик верно говорит. Вот такущие следы, – и он для убедительности показал руками размеры. – Я в прошлом году громадного мишака встретил один на один, аж с третьего выстрела повалил дьявола.

– Чгой-то не припомню такого случая, – усмехнулся Федот Андреевич.

– Было дело, – уклончиво ответил Витька.

– А шкуру-то куда дел? – ехидно поинтересовался Федот Андреевич.

Витька поморщился:

– Не повезло мне тогда маленько. Мишака встретил над обрывом, ну и как всадил в него три разрывняка, так он и бултыхнулся с обрыва в речку. Нырлял потом за ним, да разве та кого вытащишь? Так и сгинул зверь.

– Бывает, – согласился Федот Андреевич и хитро подмигнул Василию, – Не печалься, Витек, еще добудешь на своем веку.

– Такого уже нет, – не заметив иронии старика, серьезно ответил Витька. – То был царь-медведь...

В чайнике закипела вода. Потрескивал костер, и голубой дым тянулся к верхушкам деревьев. За речкой послышался тоненький голос рябчика: фи-ить, фи-ить.

Витька схватил ружье и достал из кармана костяной манок. Подождал с минуту и засвистел в ответ:

– Фи-ить, фи-ить.

Рябчик откликнулся на приманку, и голос его теперь слышался гораздо ближе.

– Свисти, он сейчас вылетит, – подсказал Федот Андреевич. Но свистеть не понадобилось: рябчик сам вылетел из чащи.

Уселся на еловую ветку на противоположном берегу и принялся разглядывать охотников.

– Стреляй, – не выдержал Василий.

– Далековато, – ответил Витька. – Ладно, пусть живет.

Испуганный рябчик снялся и полетел в чащу. И тут же неподалеку раздался выстрел. Люди у костра вздрогнули от неожиданности.

– Кто-то из наших охотников, – предположил Федот Андреевич.

– А это мы сейчас посмотрим, – Витька потянулся за ружьем, – наши это или не наши. Слыхали, за Сенгулой двоих бичей кто-то прихлопнул? Так что у нас всякое бывает, – и он многозначительно посмотрел на Василия.

Снова раздался выстрел. Теперь поближе.

– Скоро придет, – сказал Федот Андреевич. – Надо воды в чайник подлить. Угостить человека.

Минут через десять из лесу вышел высокий старик. На нем было странное одеяние из волчьей шкуры, похожее на тулуп, только без рукавов. Увидев людей у костра, старик остановился.

– Здоров, дедушка Тит! – крикнул Федот Андреевич. – Иди к нам! Аль не узнал меня?

– Чего ж не узнать? Узнал, – ответил старик.

Федот Андреевич повернулся к Василию и тихо произнес:

– Это самый старый охотник в тайге. Девяносто годков на плечах, а все еще бьет зверя.

Дедушка Тит подошел к костру. На поясе у него болтались рябчики и глухарь. Старик снял с плеча новенькую двустволку и поздоровался. Потом по-хозяйски уселся у огня и достал из холщового мешочка маленькую черную трубку.

– Уморился, – певуче протянул он,

– Заманки осматривал? – деловито осведомился Витька.

– Осматривал. А ну-ка, возьмите глухарчика на ужин, – и, покосившись на Василия, добавил: – Городской?

– Городской, – подтвердил Василий. – На сбор кедровых орешков приехал. Может, и повезет – заработаю денюжат.

– Может, и повезет, – кивнул дедушка Тит. – Да смотри, в тайгу с добрым сердцем надо входить, она злым не прощает.

– Мой дальний родственничек, – кивнув на Василия, пояснил Федот Андреевич. – Подорвал в городе здоровьишко, пускай таежным воздухом полечится.

Дедушка Тит выпил кружку чая и занялся рябчиками. Чтобы не протухли, принялся начинять их сырым мхом.

– Дедушка Тит, а медведей много здесь встречал? – поинтересовался Витька.

– Много не много, а двух сегодня видел. В такой глухомани их еще не выбили. Идешь по тайге, а всюду следы хозяина: то куча мурашиная лапами разворочена, то дерево повалено. А грибов да кустов с разной ягодью, особенно с черникой, столько обмусолено, что махни рукой. Будто стадо их целое паслось на ягодище – и с пестунами, и с матками, и с большаками. На прешься на такие следы, уж на что видал виды и встречался с ними, а и то мороз подерет по коже.

– Страшный зверь – медведь, а человек – пострашней, – вставил Федот Андреевич. – Лет пять назад рядом с Черняевским зимовьем медведица убила одного городского парня. А почему? Да потому, что этот дуралей схватил медвежонка в мешок, ну а мать, известное дело, по следу и нагнала. Не умеют нынче со зверем ладить.

– Чтосо зверем? Между собой ладить не умеют, – заговорил Витька. – Слыхали, дедуля, как двоих убили за Сенгулой?

– Как же не слышал! – покачал головой дедушка Тит. – Тайга – не город, тут каждая новость звонче песни разносится.

– По пьянке, наверное, зарезали, – добавил Витька. – Аккуратно так пырнули и одного, и второго, и никаких следов...

– Ты-то откуда знаешь? – заинтересовался Василий.

– Так я ж внештатный инспектор милиции. О таких делах в первую очередь должен все знать.

– Ну, пошел, поехал черт по кочерыжкам, – засмеялся Федот Андреевич.

– Скажешь, опять вру? – обиделся Витька. – Не веришь, Федот Андреевич, спроси у нашего участкового. Я даже на совещании был в милиции.

– И что же ты там делал? – насмешливо поинтересовался Федот Андреевич.

– Обсуждал, как преступников поймать.

– Не поймали еще? – осведомился Василий.

– Поймаем... Наверняка их свои зарезали. Так что прочистим тайгу, выловим всех бичей, и кто-нибудь, да расколется.

Дедушка Тит нахмурился:

– Зря на людей напраслину не наводи, не пьяное это убийство.

– А вы откуда знаете?

– Хе... Я, паря, много лет по тайге брожу, много чего видел, много чего знаю.

– И кто убийца? – заволновался Витька.

– Кто убийца, не знаю, а вот чтоне по пьяному делу кровь пролилась – это верняк.

– Не золотишком ли тут пахнет? – Федот Андреевич тронул за плечо дедушку Тита. Старик нахмурился и, глядя в костер, пробурчал:

– Про то мне не ведомо... Вот окаянные, зарядили на ночь разговор про покойников.

– Что-то изменилось в учителе, но что?

Сергея Треф никак не мог понять.

– Сколько же мы не виделись? – Сан Саныч смотрел пристально в глаза. Казалось, он перелистывает страницы, страницы Сергиной памяти, медленно так, внимательно.

– Почти три года, – ответил Треф.

– А нашел меня как? Через Татьяну?

– Через нее. Приперся я в эти проклятые богом Крутогорки, разыскал твою сестру...

– Племянница она мне, – поправил Сан Саныч.

– Ну, племянницу. Поломалась она денек и выложила твой адрес. А сначала – ни в какую. Я ведь забыл заветные слова, что ты мне говорил, ну, вроде пароля.

Сан Саныч усмехнулся:

– Пароль, заветные слова – чушь собачья. Для пацанов все это, в казаки-разбойники играть...

Сергея с удивлением посмотрел на учителя, но ничего не сказал.

Сан Саныч встал из-за стола, подошел к выключателю и зажег свет.

– Вот так-то лучше, а то сидим в темноте, как кроты...

Сергея обвел взглядом небольшую кухню и с ухмылкой заметил:

– Бедновато стал жить, Саныч. Старое растерял, а нового не нашёл.

– А мне и этого достаточно, – неожиданно огрызнулся учитель.

Треф сразу притих.

– Ты, хлопчик, в беге, как я погляжу, – Сан Саныч резанул Сергея взглядом, от которого раньше у Трефа мурашки по спине ползали.

– В беге...

– И за каким же счастьем бежишь?

Треф пожал плечами, не зная, что ответить. Он теперь понял, что изменилось в учителе.

– Не за счастьем, а от беды бегу...

– За новой? – усмехнулся Сан Саныч. – Коли крыша нужна, могу приютить на время. Если деньги нужны, могу дать пятьдесят рублей. До полочки как-нибудь дотяну, – он сделал ударение на слове «полочка». – Теперь ты все понял.

– Кажется, все, – тряхнул головой Сергей. – Что же творится в этом мире? От кого, от кого, а от тебя не ожидал.

– Что творится в этом мире, – передразнил Сан Саныч Трефа. – А ты задумайся... Мне много раз приходилось видеть, как вор к своему финишу приходит. Наш финиш страшный, и мало кто это понимает. Никогда не пересчитаешь, сколько человеческих проклятий на мою голову сыпалось, но я по пальцам могу посчитать, сколько раз слышал от людей доброе слово. Волком хочется быть от такого финиша. Иногда появляется желание взять какого-нибудь сучонка-игрунчика и бить, пока дурь хмельная из него не выйдет, пока на мир другими глазами не посмотрит.

Сан Саныч покосился на Трефа.

– Не злоба меня распирает, хлопчик. Из веселых пацанов много я вылепил блатных. Теперь одна мечта: пока не сыграл хану, успеть бы хоть одного прибалтленного сучонка превратить в честнягу.

– В чем ты меня хочешь убедить, Сан Саныч? – заерзал на стуле Сергей Треф. – Думаешь, после твоей проповеди я с высунутым языком кинусь в милицию и слезно буду каяться в грехах? Нет, не на того напал, я вор-удача. Хоть на миг, но король!

Сан Саныч вздохнул:

– Сам я толкнул тебя на эту стежечку-дорожечку, а как стащить с нее – ума не приложу. Нутром чую, свернешь скоро шею.. Знал поудачливей воров, а и те в дерьме кончили.

– Не переживай, Сан Саныч, что не смог обратить Серегу Трефа в свою новую веру. Я профессию уже не сменю. Она у меня самая древняя в мире. Как только человек потерял хвост и соскочил с дерева, он решил, что весь мир – его собственная хата, и начал воровать у природы все, что попадалось под руку. Даже своих меньших братьев – зверюшек – и то безбожно грабил и будет грабить и убивать. Что, я не прав?

– А он мне говорит: «Я тебя, сучок трухлявый, на два метра в землю вгоню, и завещание не успеешь составить». Так прямо и заявил со всей своей бандитской откровенностью. Здесь в конце концов советский рынок, а не Чикаго и не Сан-Франциско.

– Н-ничего не понял, – пожал плечами капитан. – Еще раз все сначала. Да не волнуйтесь вы, гражданин Тенежкин.

– Ту-няж-кин я, Петр Самойлович. Ух, какой вы непонятливый. Мафия у них тут на рынке. Понимаете? Настоящая мафия.

– Ну, вы не перегибайте, гражданин Туняжкин. Вы-то сами чем здесь занимаетесь?

– Я продаю ягоды, которые добываю честным трудом.

– Спекулируете, значит.

– Вы меня, товарищ капитан, не оскорбляйте. Я не спекулянт. А знаете, во сколько мне обходится стакан ягодок?

– Меня это не волнует, – поморщился капитан.

– Но вы же назвали меня спекулянтом. А вот вам нехитрая арифметика. Чтобы собрать пятнадцать кило брусники, больше я просто не дотяну до города, мне надо провести в тайге два дня. Чтобы добраться до места, я плачу десять копеек за автобус и шестьдесят – за электричку в одну сторону. Снаряжение и пища обходится мне примерно в семь рублей пятьдесят копеек в день. Итого: поездка за пятнадцатью кило брусники влетает в шестнадцать рублей сорок копеек. Естественно, половину ягод я оставляю себе и раздаю друзьям, а половину продаю на рынке. Таким образом, за проданную ягоду получаю не больше двадцати пяти рублей. Так где спекулянт?

– Уморили вы меня со своей арифметикой. Беру свои слова назад насчет спекулянта. Рассказывайте, что же у вас произошло?

– Так вот, каждый раз, когда я прихожу на рынок, появляется такой вот огромный тип, подмигивает и со всей своей бандитской откровенностью заявляет мне: «До десяти часов будешь продавать свою ягоду на тридцать копеек дороже, чем принято. А с десяти делай, как хочешь». Конечно, такие предупреждения получал не я один. Сами понимаете, до десяти часов эти бандиты успевали продать свои ягоды. И продают они по несколько тонн.

– Так, так, так, – заинтересовался капитан. – И часто вы этого человека встречаете на рынке?

– Да он все время здесь со своей бандой околачивается. Я-то на рынке бываю два-три раза в месяц, но слышал от людей – они каждый день торгуют.

– Имя, фамилию его знаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.